

Н. А. Кренке, М. Г. Абрамзон, К. А. Ганичев,
Е. Г. Ершова, А. А. Кудрявцев, А. В. Лазукин, М. В. Лавриков,
М. И. Пронин, С. Н. Чаукин, Б. Е. Янишевский

ГОРОДИЩЕ БУШАРИНО НА р. СЕТУНЬ И ЕГО РЕСУРСНАЯ ЗОНА¹

Резюме. В статье представлены результаты новых работ на городище Бушарино в Московской области и результаты палеоботанических исследований в его ближайших окрестностях. Удалось уточнить датировку находок на городище, скорректировать атрибуцию римской медной монеты, найденной еще в 1957 г., снять высокоточный план памятника, который относится к особому типу трехвальных городищ, не адаптированных к рельефу. Выявлены некоторые расхождения в хронологии массового материала (III в. до н. э. – III в. н. э.) и даты римской монеты (IV в.). Изучение погребенных почв под древнерусским курганом в 2 км от городища и отложений торфа в ближайшем болоте (1,5 км) позволило установить, что эти участки прошли через несколько циклов подсечного земледелия в I тыс. до н. э. – первых веках н. э., таким образом удалось достоверно зафиксировать следы земледельческой активности железного века.

Ключевые слова: дьяковская культура, городища, ресурсная зона, римская монета, подсечное земледелие.

Бушаринское городище железного века, относящееся к дьяковской культуре, известно, прежде всего, по найденной на нем римской монете, единственной в Подмосковье имеющей определенный археологический контекст. Уже один этот факт достаточен для того, чтобы дать подробное описание городища. Вторая причина – очень выразительная и сложная система фортификации этого памятника. Городища с тройными валами составляют особый тип укреплений (Chaukin, 2019), требующих пристального изучения. Третья причина –

¹ Палеоэкологические исследования были проведены частично при поддержке гранта РФФИ № 19-04-01246а «Пространственно-временная динамика подсечно-огневой системы земледелия и ее влияние на экосистемы средней полосы России».

возможность анализировать ресурсную зону городища. Городище Бушарино и соседнее с ним городище Луцино примыкают к границам Звенигородской биостанции МГУ. Здесь проводились многочисленные исследования растительности, в том числе палеогеографические исследования погребенных почв и болотных отложений, что дает уникальную возможность выявить и интерпретировать следы хозяйственной деятельности жителей городищ железного века.

Бушаринское городище находится на правом, высоком берегу реки Сетунь, в 1,7 км от места ее впадения в Москву-реку и в 12 км на юго-запад от центра г. Звенигорода. Площадка и окрестности городища полностью покрыты еловым лесом, но в прошлом, в период функционирования городища, структура лесного покрова была совсем иной – по берегам Москвы-реки преобладали широколиственные леса, в том числе липовые (см. статью Е. Г. Ершовой в наст. выпуске). Площадка городища была свободна от лесной растительности, к ней примыкали открытые пространства полей и пастбищ.

Бушаринское городище было впервые обследовано К. Я. Виноградовым в 1927 г. Затем – братьями Н. А. и Ю. А. Красновыми в 1950-е гг. (рис. 1). В 1957 г. на площадке в яме в южной части городища на глубине 0,25 м была найдена римская монета, тогда же был снят глазомерный план, который вошел в отчет (*Краснов, Отчет...*). В 1977 г. еще один глазомерный план городища был снят Р. Л. Розенфельдом. В 1991 г. городище обследовал Б. Е. Янишевский, который заложил на нем два шурфа (один на оползневой ступени – 6 кв. м, другой – на площадке – 8 кв. м в траншее 1927 г.). В ходе этих работ был также снят теодолитом топографический план (*Янишевский, Отчет...*) (рис. 1).

Следы раскопок К. Я. Виноградова (траншея) едва прослеживаются, раскопы 1991 г. не видны совершенно.

В 2018 г. были проведены новые полевые исследования памятника шурфами, снят топографический план (рис. 2; 3) с помощью тахеометра, уточнено определение римской монеты, хранящейся в фондах Звенигородского краеведческого музея; кроме того, в 2017–2019 гг. проводились палеогеографические исследования в окрестностях городища. Изучались спорово-пыльцевые образцы из почвенных отложений и торфяных залежей болота Сима, расположенного в 900–1300 м к СВ от городища, а также из погребенных почв под Волковскими древнерусскими курганами XII в., расположенными в 2 км к С–СВ.

Площадка городища выше русла реки на 20 м. Берег реки Сетунь оползневой. Два древних оползня откололись от берега непосредственно под городищем. На поверхности одного из оползней был заложен шурф 1991 г., в котором был выявлен культурный слой с находками железного века, что, возможно, указывает на древность оползня. Не исключен, однако, вариант, что оползень сошел после отложения культурного слоя. Гребни оползней были ошибочно приняты Ю. А. Красновым и Б. Е. Янишевским за валы. Настоящие валы имеются лишь вокруг верхней площадки и заканчиваются у крутого обрыва берега. Система из трех валов и рвов образует почти правильный круг, западная часть которого срезана оползнями. Остается неясным, какова была форма площадки в древности, так как не датированы оползни. В валах с двух сторон имеются узкие проходы, которые, скорее всего, созданы после прекращения функционирования

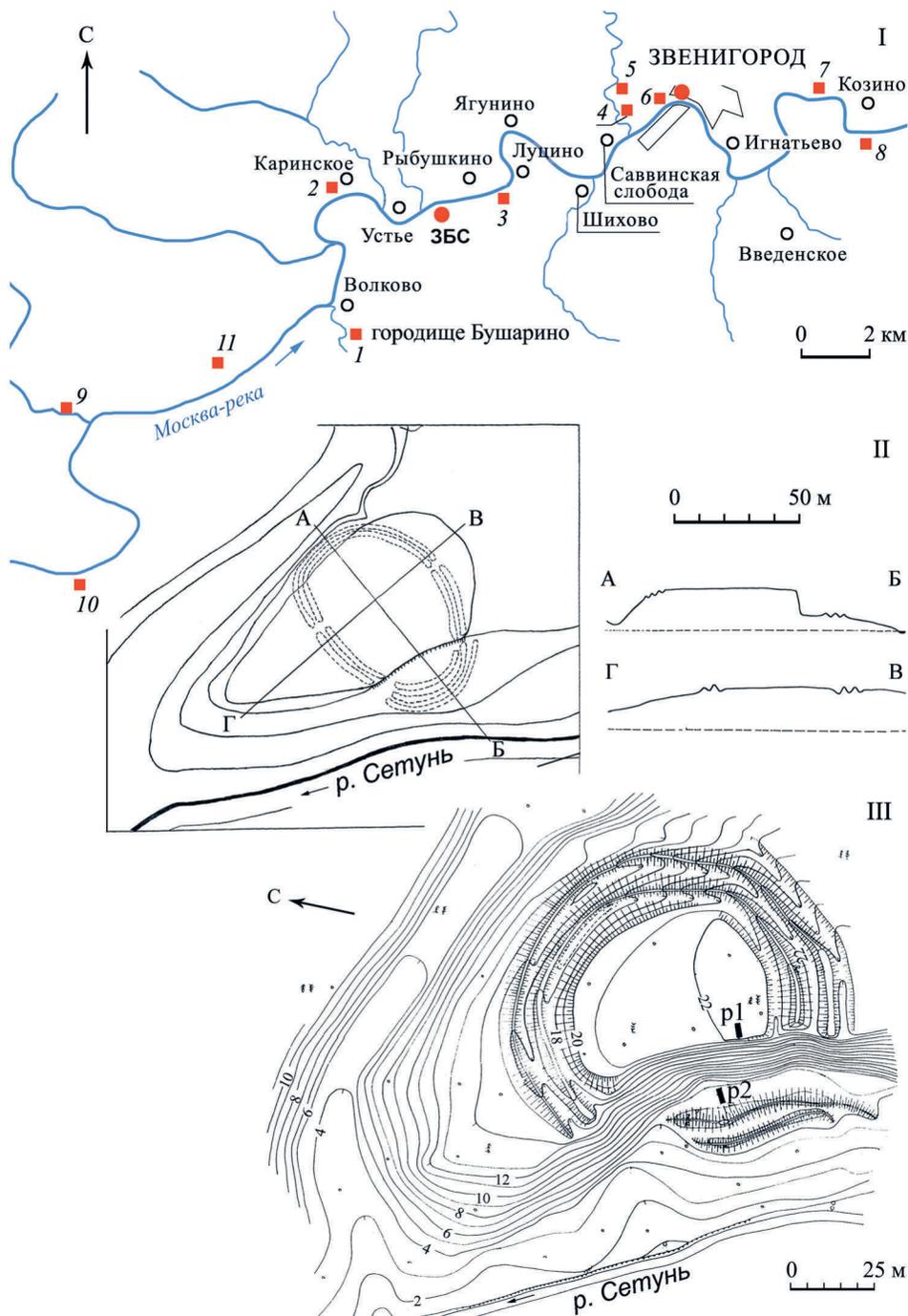

Рис. 1. Схема расположения Бушаринского и соседних с ним городищ

I – 1 – Бушарино; 2 – Каринское; 3 – Луцино; 4 – Саввино-Сторожевское; 5 – Дюдьково; 6 – у д. о. «Связист»; 7 – Можжинка; 8 – Дунино; 9 – Алтыново; 10 – сан. им. Герцена; *II* – глазомерный план городища Бушарино из отчета Ю. А. Краснова 1957 г.; *III* – план городища Бушарино по Б. Е. Янишевскому

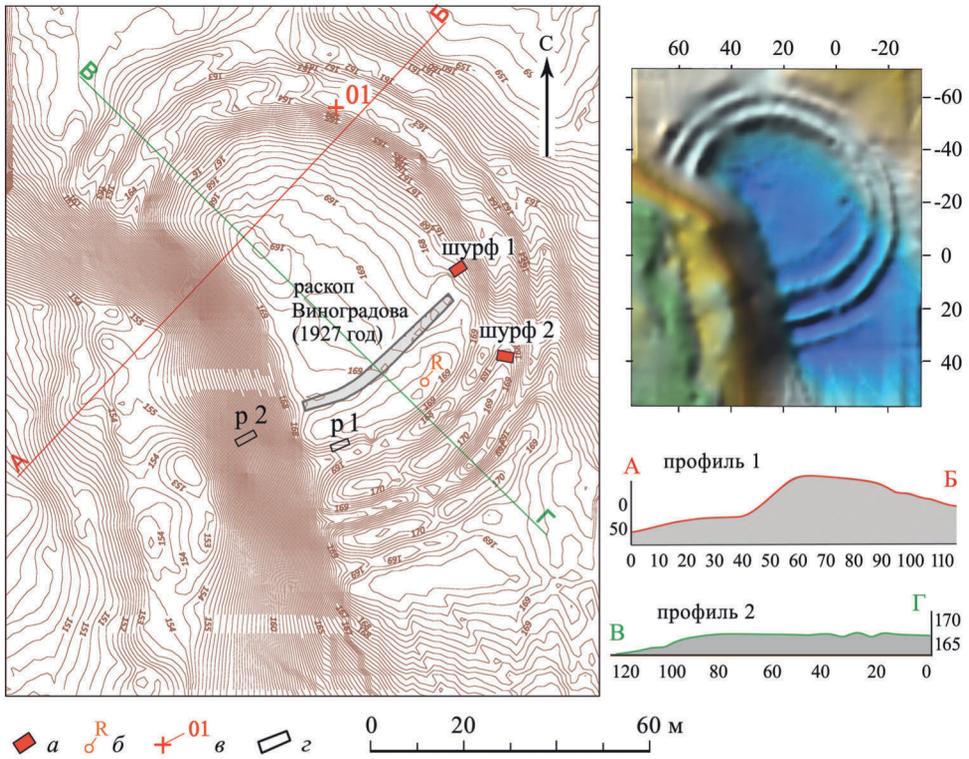

Рис. 2. План Бушаринского городища, съемка К. А. Ганичева, 2018 г.

а – шурфы 2018 г.; *б* – репер; *в* – находка бронзовой бляшки; *г* – раскопы Б. Е. Янишевского 1991 г.

Внизу слева – фото северо-западного борта шурфа 1 (2018 г.); внизу справа – южный борт шурфа 2 (2018 г.)

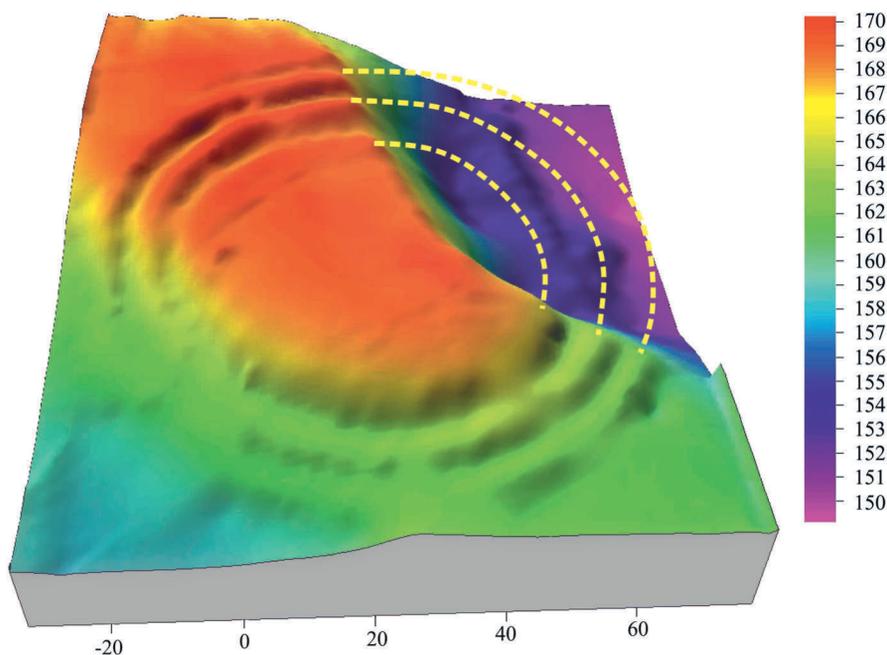

Рис. 3. Модель рельефа Бушаринского городища, пунктиром показана утраченная из-за оползня часть памятника

городища. Древний всход, вероятно, был из оврага с восточной стороны городища. Мысовая часть отрезана валами, то есть городище не адаптировано к рельефу, что отличает его от так называемых мысовых городищ.

Линейные размеры площадки составляют 49×31 м. Площадка обрушена с юго-западной стороны, и, вероятно, полные значения длины и ширины равнялись около 50 м. Это подтверждается измерениями на других памятниках подобного типа. Площадь городища внутри валов (реконструированное значение) составляет 2616 кв. м. Площадь всего городища, включая элементы системы укрепления, составляет 5827 кв. м в настоящий момент и 8885 кв. м, учитывая разрушенные части поселения. Внутренний вал (Н1) имеет высоту 0,87 м от тальвега рва. Средний вал (Н2) высотой 1,69 м. Внешний вал (Н3) – 1,11 м. Расстояние между вершинами вала 1 и вала 2 (Н1-Н2) равняется 11 м, расстояние между вершинами валов 2 и 3 – 9 м. Учитывая, что валы имеют кольцевую структуру, можно измерить диаметры всех окружностей (D). $D1 = 58$; $D2 = 80$; $D3 = 98$. Объем перемещенного в ходе строительства грунта составлял не менее 5000 м^3 .

Шурф 1 размером 2×3 м был заложен на бровке площадки с восточной стороны. Ориентирован шурф был перпендикулярно линии бровки восточного склона. Дневная поверхность ровная, современных нарушений нет, уклон в сторону склона оврага. Культурный слой первого пласта (мощность пластов – 10 см) был однородным – темный серо-бурый песок. При зачистке второго пласта

на склоне в северной части шурфа проступило песчаное пятно. Аналогичная картина наблюдалась на уровне пластов 3 и 4. Светлая линза в северной части шурфа постепенно расширялась в размерах, в южной части шурфа слой становился светлее. В пласте 3 были встречены хаотично разбросанные очажные камни, а также фрагмент «рогатого кирпича». В пласте 4 был найден фрагмент глиняного грузика дьякова типа. На уровне пласта 5 четко обозначилась полоса темного слоя шириной около 80 см, пересекавшая шурф по диагонали и шедшая примерно параллельно бровке площадки. Выборка этой темной полосы показала, что на поверхности материка имеется западина типа канавки. На дне этой западины были видны два темных пятна, которые первоначально были приняты за ямы, но оказались при исследовании кротовинами. Вообще на поверхности материка (светло-бурый песок со щебнем) виднелось множество кротовин с темным заполнением. Поверхность материка шла примерно параллельно дневной поверхности. Канавка шириной до 60 см и глубиной до 10 см шла по краю бровки. Борта канавки расплывчатые, стенки пологие.

Во всех бортах шурфа была прослежена сходная стратиграфия. Под тонким слоем древесного опада и дерна залегал слой темно-серого песка толщиной до 35 см. Нижняя граница этого слоя была неровной, изрезана кротовинами. Подстилающий слой был представлен горизонтом более светлого серого песка с включением линз золы. Мощность этого слоя – до 35 см. Нижняя граница неровная, изрезана кротовинами. В южном борте данный слой подстилал материковый белесый песок с галькой. В профилях восточного и западного бортов под серым песком залегал светло-бурый песок с галькой толщиной 15–20 см, напоминавший переотложенный, так как под ним прослеживался оподзоленный горизонт белесого пылеватого песка. Возможно, что переотложенный светло-бурый песок – это остатки насыпи вала. В профиле восточного борта были отобраны образцы культурного слоя для промывки. В них оказались многочисленные обугленные зерна пшеницы, проса и малины, а также древесные остатки липы и сосны (определение Е. В. Пономаренко).

Шурф 2 имел размеры 2 × 3 м, был заложен перпендикулярно оси среднего вала в юго-восточной части городища (рис. 2) и занимал гребень вала. В центре шурфа имелась неглубокая современная яма. Гумусированный почвенный слой имел толщину до 10 см. В этом слое был найден единственный в данном шурфе лепной гладкостенный фрагмент керамики. Под почвой залегал буро-желтый песок с галькой, из которого был сложен вал. Толщина насыпи составила до 80 см. В ее основании был прослежен горизонт погребенной почвы с пятнами подзола и угольками. На поверхности почвы в центре шурфа имелось темное пятно округлой формы диаметром до 80 см. Однако дальнейшая зачистка показала, что это не яма, а пятно, которое «счистилось» при углублении зачистки на 1–2 см. В качестве профиля для фиксации стратиграфии и описания был выбран южный борт шурфа. Протяженность профиля – 3 м. Поверхность имеет выпукло-дугообразную форму, высшая точка в центре профиля. Структура насыпи неоднородна. Верхняя часть однородного бурого цвета (песок с галькой), в нижней части залегает тот же материал, но смешанный с линзами подзола. Вероятно, здесь мы имеем дело с «обратной стратиграфией». Вначале насыпались верхние слои почвы с подзолом, а затем более глубокие ожелезненные слои

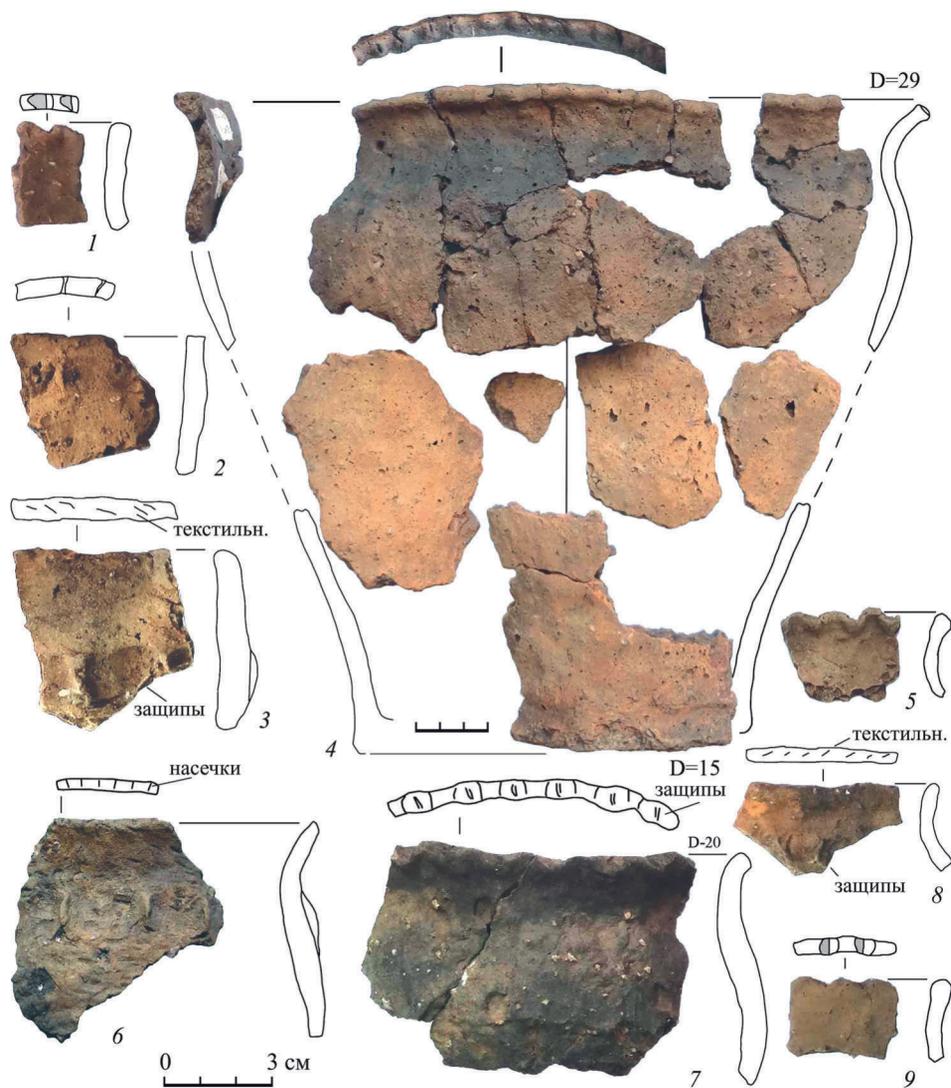

Рис. 4. Гладкостенная (1, 2, 4, 5, 7, 9) и текстильная (3, 6, 8) лепная керамика дьяковской культуры из шурфа 1 2018 г. на Бушаринском городище

с примесью моренной гальки. Нет основания для того, чтобы думать о разных этапах сооружения насыпи. Поверхность погребенной почвы горизонтальна. Толщина гумусового горизонта с единичными угольками – 3–10 см. Ниже залегает прослойка подзола. В правой части профиля с уровня погребенной почвы прослеживается столбовая (?) яма глубиной 30 см и диаметром верха 20 см. Форма ямы коническая. В заполнении обнаружены угольки. Вполне вероятно, что данная яма не имеет отношения к конструкции вала.

Подавляющее большинство находок керамики происходит из шурфа 1. Всего в шурфе был найден 251 фрагмент керамики, из них 20 % имели на поверхности текстильные отпечатки. В составе коллекции присутствует один развал лепного гладкостенного горшка (рис. 4: 4), фрагменты которого были найдены в пластах 2–5, то есть сильно перемещены по вертикали. Тесто этого сосуда имело примесь органики, которая выгорела, образовав на поверхности характерные пустоты. Эсвидный дугообразный профиль венчика типичен для средней фазы поздне-дьяковской культуры, то есть подобная керамика датируется в пределах от рубежа эр до II–III вв. н. э. Многие из текстильных фрагментов имеют орнамент в виде зашипов пальцами на стенках, а также отпечатки/вдавления пальцев по торцу венчика (рис. 4). Для текстильной керамики это поздний признак, характерный для финала раннедьяковской культуры, то есть ориентировочно III–II вв. до н. э. Аналогии имеются в том числе в материалах Дьякова городища (Кренке, 2011. С. 146), где есть и радиоуглеродные даты, полученные по нагару с поздней текстильной керамики. Например, дата 2120 ± 35 (Hela-942). Такая керамика была найдена и в самом основании культурного слоя на материке. Характер текстильных отпечатков соответствует следам прокатки по поверхности горшков стержня еловой шишки, как это было установлено О. А. Лопатиной (Лопатина, 2015).

Радиоуглеродная дата, полученная по образцам зерен малины и проса из нижнего слоя в шурфе 1, указывает на временной интервал III – первая половина II в. до н. э. (табл. 1), то есть вполне согласуется с возрастом текстильной керамики.

Важно отметить, что не было найдено ни одного лощеного/подлощенного/заглаженного фрагмента, нет форм венчиков, отогнутых под углом, либо с прямостоящим «воротничком», характерных для поздней и финальной стадий позднедьяковской культуры. Таким образом, предварительная датировка керамической коллекции – III в. до н. э. – III в. н. э.

Вещевая коллекция немногочисленна (рис. 5). В первую очередь следует сказать о бронзовой римской монете². Она была определена В. В. Кропоткиным (Кропоткин, 1961. С. 45. № 176). Он правильно отнес ее к 4-й оффicine Кизика, но легенду на аверсе прочитал неправильно и, соответственно, отнес ее к чекану Константина II, что неверно. Монету следует отнести к чекану семьи Константина Великого. Фоллис, 331, 333–334 гг. н. э. Монетный двор Кизика, 4-я оффicina, на л. с. надпись: CONSTANTINOPOLI. Персонификация Константинополя в шлеме, украшенном жемчужной диадемой, императорской мантии слева; сзади копьё. Обратная сторона – Виктория с копьём и щитом стоит на проре слева. Под обрезом SMKA (Kent, 1981. P. 656. No. 93. Pl. 22).

² ЗИАХМ, КП № 1447.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты с городища Бушарино и карьера Сима

Лаб. индекс и номер	Образец	Место находки	Некалиброванная дата	Калиброванная дата
УОС-9316	обугленные зерна малины и проса	городище Бушарино, шурф 1, нижний слой	2233 ± 25	290–209 BC (55,2 %)
УОС-7996	обугленные стебли травы	торфяной разрез на южной окраине болота Сима, угольный слой с пыльной культ. злаков, -29–30 см	2219 ± 29	361–205 BC (68,3 %)
УОС-5862	уголь <i>Alnus</i>	почва под обваловкой средневекового пруда на восточной окраине болота Сима	2708 ± 26	895–821 BC (68,3 %)
УОС-7995	уголь <i>Picea</i>	угольный слой в почве под торфом на восточной окраине болота Сима, -51–52см	2737 ± 21	902–843 BC (68,3 %)
УОС-6369	уголь <i>Picea</i>	почва под обваловкой средневекового пруда на восточной окраине болота Сима	1514 ± 28	476–600 AD (68,3 %)

Редкой находкой является зооморфная фигурка (рис. 5: 2), найденная в 1991 г. Б. Е. Янишевским в шурфе на оползне. Подобные фигурки, изображающие четвероногого животного (условность формы не позволяет делать предположения о виде зверя), были ранее найдены на городищах Дьяково (*Кренке*, 2011), Протопопово (*Сыроватко*, 2009. С. 336), Топорок (*Гендуне*, 1906. Рис. 2). Судя по находке на городище Дьяково, зооморфную находку следует датировать ранне-дьяковским временем.

Фрагмент двухплощадочного грузика дьякова типа (рис. 5: 4) соответствует формам грузиков начальной фазы позднедьяковского этапа. Узкий возраст для «рогатого кирпича» (рис. 5: 3) с характерной ложбинкой по верхнему срезу установить невозможно. Бронзовая плоская дисковидная бляшка с петельками на обратной стороне (рис. 5: 5), поднятая с поверхности восточного склона, безусловно, относится к материалам дьяковской культуры, судя по технологии изготовления, но точных аналогий не известно.

Ресурсную зону городища Бушарино можно условно реконструировать, учитывая его пространственное соотношение с соседними городищами. Можно думать, что русло Москвы-реки являлось естественной границей ресурсных зон право- и левобережных городищ. Принимая это допущение, можно отметить, что ближайшими к Бушаринскому городищу будут городище на территории санатория им. Герцена, отстоящее на 9 км вверх по реке, и городища Луцино 1 и 2, составляющие единый комплекс и отстоящие от Бушаринского на 5,7 км вниз по реке. Если предполагать, что границы ресурсной зоны были близки

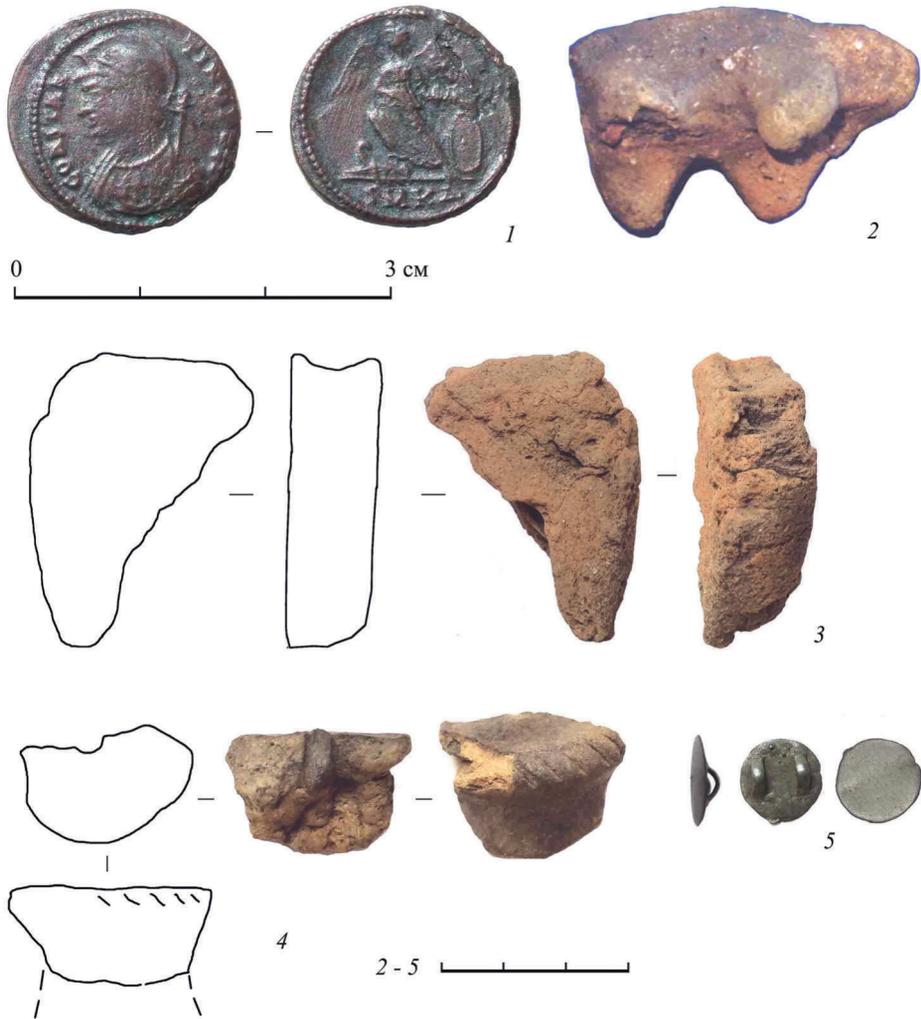

Рис. 5. Индивидуальные находки с Бушаринского городища

1 – римская монета из сборов 1957 г.; 2 – глиняная зооморфная фигурка из раскопа 1991 г.; 3 – фрагмент «рогатого кирпича»; 4 – фрагмент грузика дякова типа; 5 – бронзовая бляшка (из шурфа и сборов 2018 г.)

к полигону Тиссена, то получается, что жители городища Бушарино контролировали участок правого берега Москвы-реки протяженностью 7,3 км. На полпути от городища Бушарино к городищу Луцино имеется естественный природный рубеж – верховья Милеевского оврага, берущего исток в Шараповском болоте. В направлении на запад такого ясно выраженного рубежа нет. Можно предполагать, что зона влияния городища Бушарино ограничивалась водораздельным участком между левыми притоками р. Сетунь и верховьями оврагов, впадающих в Москву-реку возле д. Агафоново.

В относительно ближней округе городища Бушарино (в пределах радиуса менее 2 км) удалось исследовать два природных объекта, которые являются «естественными архивами» изменений растительности в данной местности во второй половине голоцена, – это отложения карьера Сима (Волковское болото) и почвы, погребенные под насыпями Волковских курганов XII в. Подробное описание этих объектов дано в статье Е. В. Пономаренко и соавторов. Здесь же необходимо обратить внимание на некоторые главные результаты их исследований. Под Волковскими курганами зафиксировано два горизонта с угольками от пожаров, вызванных подсекой (аргументацию, что это именно подсека, см. в статье Е. В. Пономаренко). Эти угольки датируются I в. н. э. и II – началом III в. н. э. Таким образом, можно утверждать, что поля находились на расстоянии 1–2 км от городища на правом берегу Милеевского оврага. Это подтверждает и находка фрагмента раннедьяковской керамики, сделанная при раскопках курганов (фрагмент стенки с гребенчатым орнаментом, датируемый VII–VI вв. до н. э. был найден в кургане № 33 при раскопках 1940 г.)³. Правда, фрагмент имеет более древний возраст, нежели угольки, но вероятно, что поля могли появиться раньше, просто углистый след от наиболее ранних полей не сохранился.

Серия разрезов по краям и в центре болота Сима (*Кривокожин, Ершова, 2020*) позволила установить, что непосредственно рядом с болотом в период 900–800 гг. до н. э., – 550–600 гг. н. э. имели место несколько эпизодов выжигания леса и как минимум один период земледелия с возделыванием пшеницы, проса/ячменя, льна. Он датирован радиоуглеродом 370–200 гг. до н. э. (табл. 1).

Таким образом, получены факты о сельскохозяйственном освоении округи городища в радиусе 1,5–2 км. Подсечные поля локализовались на высоких уровнях рельефа, на участках с хорошим дренажом (борт оврага) и обеспеченных влагой (окраина болота).

Выводы

Проведенные исследования Бушаринского городища показали, что применение современных технологий существенно меняет представление о памятнике. План городища, снятый тахеометром, оказался почти идеально круглым. Система валов и рвов геометрически правильна и указывает на высокую культуру фортификационных работ. Вопрос, на который необходимо ответить, – когда созданы эти укрепления.

³ ЗИАХМ, вр. хр. № 27 от 12.04.1988.

Полученные материалы из шурфа 1 позволяют датировать городище в интервале III в. до н. э. – III в. н. э. Это не вполне соответствует дате римской монеты IV в. Необходимо продолжение исследований для получения более репрезентативной коллекции.

Важны полученные данные о занятии жителей городища земледелием, на что указывают зерна и пыльца пшеницы, проса. Впервые на городище дьякова типа были определены зерна малины. Важнейшее значение имеют данные, которые позволили локализовать местонахождение полей, связанных с подсечным земледелием. Актуальной задачей остается изучение ближайших окрестностей городища, где можно ожидать обнаружение пахотных участков постоянного использования.

ЛИТЕРАТУРА

- Гендуне Ю. Г.*, 1906. Городище Топорок Тверской губернии Корчевского уезда. Тверь: Тип. губ. правл. 15 с. (Отг. из «Грудов Тверского археологического съезда».)
- Краснов Ю. А.* Отчет об археологической разведке в Звенигородском, Рузском и Истринском районах Московской области летом 1957 года по открытому листу № 78 // Архив ИА РАН. Р-1 № 1432.
- Кренке Н. А.*, 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 546 с.
- Кривокожин И. Г., Еришова Е. Г.*, 2020. Палеоэкологические исследования средневековых гидротехнических сооружений на территории Звенигородской биостанции МГУ им. С. Н. Скадовского (Московская область) // Экология древних и традиционных обществ: материалы VI Междунар. науч. конф. Тюмень. С. 120–123.
- Кропоткин В. В.*, 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 135 с., 35 л. ил. (САИ; вып. Г4-4.)
- Лопатина О. А.*, 2015. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА. Вып. 240. С. 163–172.
- Сыроватко А. С.*, 2009. Юго-восточное Подмоскowie в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеБук. 351 с.
- Янишевский Б. Е.* Отчет о разведках 1991 г. (с добавлениями 1992–1993 гг.) // Архив ИА РАН. р-1 № 17189.
- Chaukin S.*, 2019. Muktivallate hillforts of the Iron Age in the Eastern European plain // 25th EAA Annual Meeting (Bern, 2019): Abstract Book. P. 471.
- Kent J. P. C.*, 1981. Roman Imperial Coinage. Vol. VIII. London: Spink & Son. 605 p.

Сведения об авторах

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Абрамзон Михаил Григорьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Магнитогорский государственный технический университет, пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Россия; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Ганичев Кирилл Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kirganichev@yandex.ru;

Ершова Екатерина Георгиевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 12, Москва, 119991, Россия; e-mail: ekaterinagershova@mail.ru;

Кудрявцев Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

Лазукин Александр Викторович, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, Ратехинское шоссе, вл. 3, Московская область, г. Звенигород, 143180, Россия; e-mail: lazukin63@mail.ru;

Лавриков Михаил Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: lavrikov516@mail.ru;

Пронин Михаил Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: pannekrofil@yandex.ru;

Чаукин Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: schaukin@mail.ru;

Янишевский Борис Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: bobbyu@yandex.ru

N. A. Krenke, M. G. Abramzon, K. A. Ganichev,
E. G. Ershova, A. A. Kudryavstev, A. V. Lazukin, M. V. Lavrikov,
M. I. Pronin, S. N. Chaukin, B. E. Yanishevskiy

THE BUSHARINO HILLFORT ON THE SETUN RIVER AND ITS RESOURCE AREA

Abstract. The paper presents results of recent studies at the Busharino hillfort in the Moscow region as well as results of paleobotanical studies in its vicinities. The chronology of finds originating from the hillfort was specified, the attribution of the Roman copper coin found back in 1957 was clarified. A high precision plan of the site was performed. The site is attributed to a special type of three-rampart hillforts not adapted to the terrain. Some discrepancies in the chronology of mass finds (3rd century BC – 3rd century AD) and the date of the Roman coin (4th century AD) were identified. The study of buried soils under the Medieval Russia kurgans situated two kilometers away from the hillfort as well as peat deposits in the nearest marsh (1,5 km) were undertaken. These made it possible to establish that these areas had gone through several slash-and-burn agricultural cycles in I mill. BC – first centuries AD providing, therefore, reliable evidence of agricultural activities.

Keywords: D'yakovo culture, hillforts, resource zone, Roman coin, slash-and-burn agriculture.

REFERENCES

- Gendune Yu. G., 1906. Gorodishche Toporok Tverskoy gubernii Korchevskogo uezda [Toporok hillfort in Tver province, Korchev uezd]. Tver: Tipografiya gubernskogo pravleniya. 15 p.
- Krasnov Yu. A. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v Zvenigorodskom, Ruzskom i Istrinskom rayonakh Moskovskoy oblasti letom 1957 goda po okrytomy listu № 78 [Report on archaeological reconnaissance in Zvenigorod, Ruza and Istra districts of Moscow region in summer of 1957 by license No. 78]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)
- Krenke N. A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [D'yakovo hillfort: culture of the population of Moskva River basin in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 546 p.
- Krivokorin I. G., Ershova E. G., 2020. Paleoeologicheskie issledovaniya srednevekovykh gidrotekhnicheskikh sooruzheniy na territorii Zvenigorodskoy biostantsii MGU im. S. N. Skadovskogo (Moskovskaya oblast) [Paleoecological studies of medieval hydraulic structures in the territory of

- Skadovskiy Zvenigorod Biostation of MGU (Moscow region)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen', pp. 120–123.
- Kropotkin V. V., 1961. Klady rimskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Roman coins in territory of the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 135 p., 35 ill. (SAI.)
- Lopatina O. A., 2015. O proiskhozhdenii odnogo vida otpechatkov na poverkhnosti «tekstil'noy» keramiki [Origin of one type of imprints on «textile» ceramics surface]. *KSIA*, 240, pp. 163–172.
- Syrovatko A. S., 2009. Yugo-vostochnoye Podmoskov'ye v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'yakovskoy kul'tury [Southeastern part of Moscow region in Iron Age: to characteristic of local variants of D'yakovo culture]. Moscow: CheBuk. 351 p.
- Yanishevskiy B. E. Otchet o razvedkakh 1991 g. (s dobavleniyami 1992–1993 gg.) [Report on reconnaissance of 1991 (with additions from 1992–1993)]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)

About the authors

Krenke Nikolaj A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nkreinke@mail.ru;

Abramzon Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117292, Magnitogorsk State technical university, pr. Lenina, 38, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Ganichev Kirill A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kirganichev@yandex.ru;

Ershova Ekaterina G., Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: ekaterinagershova@mail.ru;

Kudravtsev Andrej A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

Lazukin Aleksandr V., Zvenigorod historical, architectural and art Museum, Ratekhinskoe shosse, 3, Zvenigorod, Moscow Region, 143180, Russian Federation; e-mail: lazukin63@mail.ru;

Lavrikov Mikhail V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: lavrikov516@mail.ru;

Pronin Mikhail I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: pannekrofil@yandex.ru;

Chaukin Sergej N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: schaukin@mail.ru;

Yanishevskiy Boris E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: bobbyy@yandex.ru